

ИЗ ПРОШЛОГО

О ФИНЛЯНДИИ И О СЕМЬЕ БАРТОЛЬД

НАДЕЖДА ТАГЕЕВА

НАДЕЖДЕ ВИКТОРОВНЕ ТАГЕЕВОЙ

Ты помнишь, друг моих далеких лет
Тот тихий край, где мы бродили обе,
Где падал теплый золотистый свет
из окон на пушистые сугробы,

А поутру горел в алмазах снег,
И в сад вели скрипучие ступени,
И лыж веселых беззаботный бег
Вел за собой две голубые тени?

Кругом стояли в инее леса,
Притихшие в глубокой зимней дреме,
и звали нас родные голоса
Под теплый кров приветливого дома.

Как жизнь иную, как далекий век,
Порой мы вспоминаем годы эти,
Когда для нас еще на этом свете
Был мирным мир и добрым — человек.

Стихотворение Лидии Бартольд, 1954 г

ОБ АВТОРЕ

Надежда Викторовна Тагеева (1904-1994) - химик, гидрохимик, доктор наук, в 30-х-40-х годах сотрудник ГРИ и Минералогического музея АН СССР; автор нескольких научных трудов, долгое время работала в лаборатории под руководством академика В.И.Вернадского.

В 1911-1915 годах семья Тагеевых снимала дачу на Карельском перешейке недалеко от Выборга, тогда эта территория входила в состав Российской империи как земля Великого Княжества Финляндского. Тагеевы сдружились с соседями, владельцами усадьбы Бартольда в Карисальми. Надя Тагеева и Лида Бартольд сохранили свою дружбу на всю жизнь.

В 1975 году, после смерти Лидии Федоровны Бартольд (в замужестве Пляшкевич), Надежда Викторовна написала мемуарный очерк «О Финляндии и о семье Бартольд» и передала авторский экземпляр потомкам Лидии Федоровны.

Материал для публикации подготовлен Ю.Л.Пляшкевич. К авторским иллюстрациям (фотокопии открыток из коллекции В.В. Семёнова-Тян-Шанского) добавлены фотографии из семейного архива Бартольдов и факсимиле машинописных листов.

ФИНЛЯНДИЯ

Финляндия-Суоми, страна озер, лесов, камня.

В её ландшафте сочетается природа древнейшего Фенно-Скандского щита с ледниковыми образованиями последней страницы геологической истории.

Ледник сокращался, отступал, таял; вода заполняла выпаханые им впадины и пространства между наваленными грядами камней - маренами, здесь образовались озера, лабиринт бесчисленных финских озер. Нагромождения повсюду - черно-серо-красных скал и валунов напоминают первозданный хаос. Сосна, самое распространенное дерево в Финляндии, могуче высится на голых скалах. Для произрастания её нужны лишь: немного воды, гранитная дресва, серый лишайник - слой почвы не толще нескольких сантиметров, в нем плетет она сеть своих корней, а глубже - почти безжизненный гранит, гравий песок...

Финны заняли свой кристаллический щит в начале нашей эры, теснимые на восток славянскими племенами. Для земледелия здесь были плохие условия,

ведь злаки требуют гораздо больше земли-почвы, чем леса. И финнам пришлось заняться лесом, как своим кормильцем, а камни и скалы они приняли как свою природу, как предназначенное им богатство недр.

Исторически финнам ближе всего была Швеция, варяги-викинги еще в первые века нашей эры проникали к берегам Финского и Ботанического заливов и колонизовали их. Век за веком продолжалось взаимное влияние финнов и шведов, и Финляндия была младшей сестрой Швеции.

Но уже с первого тысячелетия нашей эры и позднее новгородцы вступили в борьбу со шведами за владычество над Финляндией. Особенно сильно проявлялось соперничество шведов и новгородцев на Карельском перешейке.

В последующие века в борьбу эту вступило и Московское княжество, а затем Московское государство. Но связи финнов со Скандинавией были сильнее, чем с Россией и в конце XVI века Финляндия вместе с Карелией перешла в полное владение шведов. В XVII веке Швеция, в знак свободы, учредила в Финляндии сейм - самостоятельный законодательный орган. Культура финнов развивалась как в скандинавской стране. Но в последующие два столетия Россия взяла верх над Швецией, и Финляндия постепенно перешла в её владения.

После Северной войны /1700-1721/, Россия овладела Карелией; после войны Швеции с Россией в начале XIX века, Финляндия в 1809 г. целиком вошла в состав Российской империи как Великое княжество Финляндское, подчиняясь великодержавной монархической власти России до её конца.

В годы 1911-1915, о которых дальше пойдет речь, Финляндия уже более ста лет принадлежала России, но, несмотря на это, шведское влияние в ней оставалось очень велико, Россия же была чужда ей и нелюбима ею.

В финских домах нередко можно было видеть на стене картину: на фоне грозы и бури светловолосая девушка в белой одежде с разметавшейся косой держит в руках и защищает открытую книгу законов сейма Финляндии от бросившегося на нее черного двуглавого орла, вцепившегося в книгу своими страшными когтями. Орел беспощаден - Россия.

О родстве же Финляндии со Швецией говорили надолго сохранявшиеся шведские названия ее главных городов: Гельсингфорс, Або, Таммерфорс, Николайстад, Фридрихсгам.

В те годы было три Финляндии: занимавшая Карельский перешеек, называемая в просторечии иногда «Чухляндией», дачная Финляндия, куда устремлялись по

летам жители Санкт-Петербурга. В ней жили и её описывали: Леонид Андреев, Александр Блок, Корней Чуковский, Илья Репин.

С приближением к Выборгу природа очищалась, появлялись озера в мягкой раме лесов и болот. За Выборгом была уже настоящая Финляндия, хотя и русифицированная, здесь цепи озер, скалы, вековые сосны, недвижно стоящие в прозрачности белых ночей. Еще дальше, за Выборгом простиралась Финляндия с её собственной жизнью и обычаями, дружелюбно поддерживаемыми в течение многих веков шведами.

Честность финнов была поразительна. Она глубоко вошла в их быт, опираясь на древние традиции и дала черты исключительной порядочности этого стойкого народа, крепко сохранившего свои национальные качества. Вся жизнь в Финляндии была проникнута безраздельной честностью, и русским приходилось подчиняться и учиться ей, что они в общем и делали.

Это было около 65-ти лет тому назад, в 1911-1915 гг. Теперь из сумрака прошлого выступает самое яркое, оно рисуется контурами или светится красочными пятнами. По ним встает жизнь нашего детства. Многих уже нет в живых...Мы расставались на жизненном пути, но тогда казалось, что все незыблемо и так будет всегда.

Беззаботные, насыщенные новыми и новыми впечатлениями, проходили наши дни среди финской природы. Тогда мы обрели и первую дружбу, которая, как и природа, вошла в жизнь и осталась в ней неприкосновенной.

Олофсборгский замок.

ИМАТРА

Мы жили в Петербурге. Летом 1911 года решено было ехать в Финляндию, куда-нибудь подальше, за Выборг. Мама нашла дачу на станции Энсо, не доезжая Иматры, знаменитого водопада на реке Вуоксе.

Дача - вилла Ренфорс, стояла на высоком берегу Вуоксы в отдаленной от станции местности Раухала, она принадлежала учительнице шведке г-же Ренфорс, жившей в Гельсингфорсе. Дача стояла в стороне от большой дороги, к ней вела березовая аллея, а вокруг был лес; не было ни сада, ни каких-либо насаждений. При въезде в виллу стоял домик сторожа, в котором он жил со своей семьей. Говорили они только по фински.

Была весна, мы только что окончили свои занятия: Вера в младшем приготовительном, ей было 9 лет, я - в детском саду, мне - семь с половиной. "Маленькие" Леня и Соня, еще не учились.

И вот, в конце мая мы едем на дачу. Дорога длится около 6-ти часов, едем во втором классе в отделениях с коричневыми плюшевыми диванами: это Иматровская ветка Финляндской железной дороги. Скоро Энсо.

Пятра.

Я стою у окна, перед ним стена деревьев с ослепительно зеленой листвой. Это березы, невозможно оторвать глаз от зеленого занавеса. Около станции все очень чисто и красиво: и дорожки с подстриженными шпалерами барбариса, и станция желто-серого цвета. Нас встречают юноша и девушка - брат и сестра Ляйтинен, дети местного лавочника финна, с которым мама познакомилась, когда искала дачу.

Брат и сестра Ляйтинен в маленьких белых с черным бархатным околышем и золотым значком каскетках, они студенты Гельсингфорского университета. Они очень молоды и приветливы. Как странно! Через 49 лет мне пришлось познакомиться с большой и очень солидной книгой, вышедшей в 1950 году в США, в штате Иллинойс: "Химический анализ», автор Герберт А.Ляйтинен, профессор аналитической химии в Иллинойском университете.

Не был ли этот профессор тем самым студентом Гельсингфорского университета, который встречал нас в 1911 г. в Финляндии, в Энсо? Быть может, в последующие тревожные для Финляндии годы он покинул её и переселился в Америку? Как знать?...

Приехав на дачу, мы с фрейлейн идем осматривать окружающий дачу сад-лес. Вблизи проходит глубокий овраг, впадающий в Вуоксу, через него переброшен

мостик, укрепленный на высоких сваях, он довольно шаткий, но с перилами.

Овраг мрачный, весь в тени поднимающихся по его склонам берез. На одной из них сидит большая темная, странная птица. Это сова или филин со слепыми желтыми глазами. В лесу слышится зов: ку-ку! ку-ку! - голос весенней природы. На лужайках мы встречаем маленькие фиалочки, прячущиеся в траве.

На террасе, с которой виден весь склон к реке, накрыт стол. Тарелки финского фаянса с темно-синим узором разных плодов и ягод. Каждый выбирает себе тарелку на всё лето. На склоне к реке растут яблони. Внизу между камнями бурлит Вуокса. Среди кустов ивняка вдоль берега тоже камни. Есть большие плоские, удобные для лежания, но тогда загорать лежа еще не принято. Каждый вечер с того берега на лодке привозит нам молоко Milchmann - молодой финн с задумчивым красивым загорелым лицом. По фински говорит только наша фрейлен - эстонка из Ревеля. Она подолгу беседует с milchmann'ом.

В ближайшие дни мама берет меня с собой, и мы идем по мостику через овраг, спускаемся по тропе к реке и выходим к домику, который принадлежит хозяйке соседней усадьбы, полковнице Шателэн. Это высокая стройная женщина с пепельными волосами в бледно-голубом платье. Она спустилась к нам навстречу и

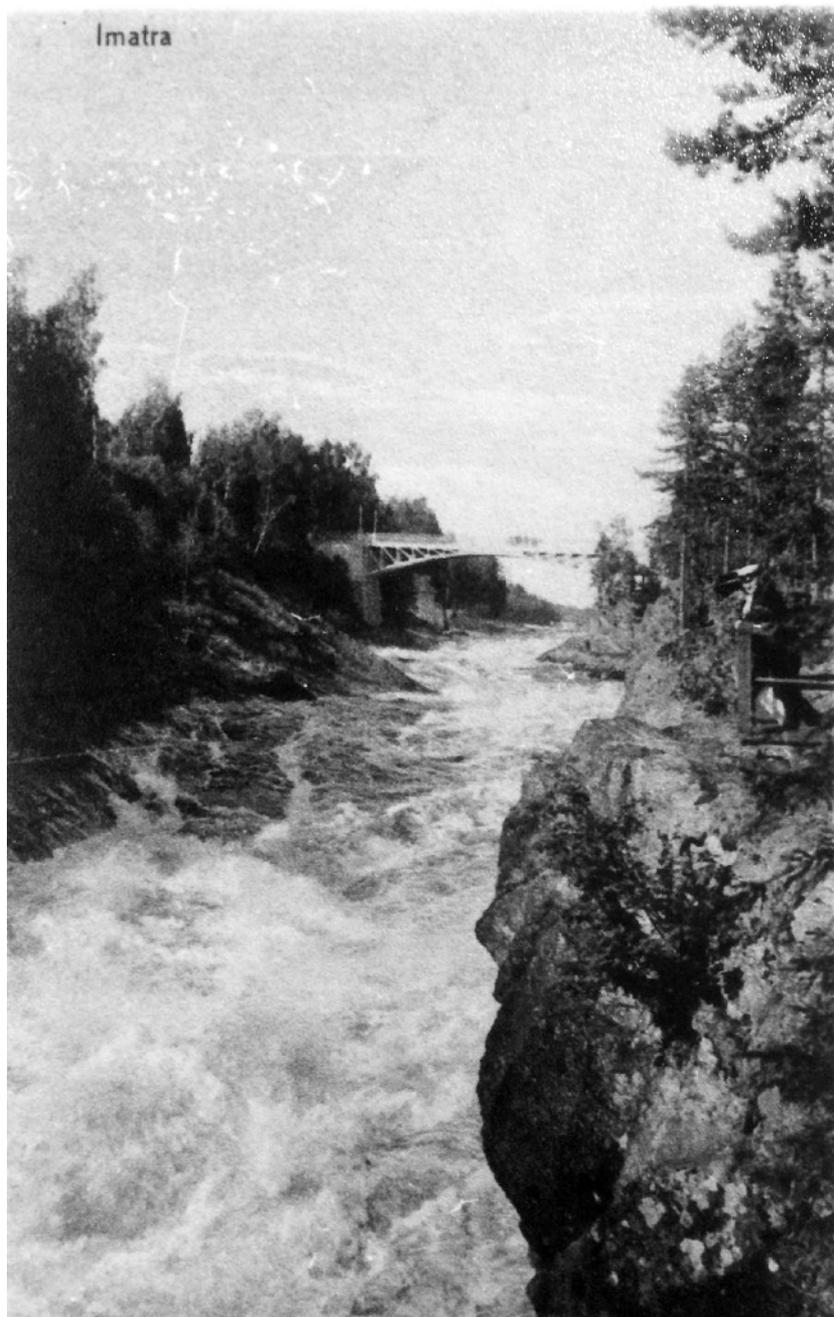
показывает нам домик весь залитый солнцем, у самого берега Вуоксы. Мама думает снять в нем комнату для кого-то из знакомых. Домик утопает в сирени. Хозяйка делает нам большой букет. Мы осматриваем комнату наверху, стены и потолок её обшиты, как принято в финских домах, лакированными узкими досочками. Домик на Вуоксе удивительно мил.

Была Троица с зелеными ветками, были прогулки на озера и за земляникой. Изредка к нам приезжали гости из Петербурга. Когда приехал папа, мы совершили большую экскурсию на Иматру.

Вышли утром, и весь день шли пешком. Дорога была через малую Иматру-Валлинкоски, там Вуокса пенится по порогам среди валунов. В самом бурном месте узкий островок разделяет реку на два русла. На островке трепещут две обреченные березки. На правом берегу в полном уединении стоит заколоченный дом. Эта усадьба опустела после того, как дочь владельцев дома и её возлюбленный бросились здесь в водопад.

К вечеру мы пришли на Большую Иматру - Иматралле, в этом месте Вуокса прорывает гряду конечных морен Сальпусельке и поэтому имеет довольно большое порожистое падение. Встретив на своем пути гнейсы, река не может уклониться в сторону и долина пробивает в них свое русло. Оно кипит снежно-белой пеной. Крутые склоны покрыты лесом.

Imatra

Огромная водяная масса водопада /более 500 м/сек./ создается, из-за внезапного сужения русла реки при входе её в кристаллическую породу. Здесь русло шириной не более 50 м, оно заполнено камнями и обломками скал, образующими бурлящие, высверленные водой котлы. Стоит оглушительный шум воды и скрежет камня, слышные за 5 км. от Иматры. Высоко взлетают брызги, образуя сплошную водяную пыль, она доходит до моста, высоко висящего над водопадом.

Ездить на Иматру было красивой традицией петербуржцев. На левом берегу водопада стоит роскошное здание в стиле модернизированного средневекового замка гостиницы-ресторана Каскад. Не один раз здесь с моста бросались в водопад и впоследствии мост был снят.

Выше водопада Вуокса течет в стороне от выходов кристаллических пород и течение её спокойно, свое начало она берет из озера Сайма в 7-ми км от Иматры.

К концу лета событиями у нас были приезд гостей только что возвратившихся из летних поездок за границу. Из Мюнхена приехал дядя Дима, он ездил туда для усовершенствования от Петербургского Политехнического института. Много было рассказов о Баварии, о её горах, о немецких семействах, в которых шоколад более обыденная еда, чем мясо. Ближе всего к

нам по культуре была тогда Германия. Туда ездили учиться, у неё заимствовали: немецкая наука была едва ли не самой передовой.

В конце августа несколько дней у нас гостил папин любимый брат, дядя Гриша. Он недавно вернулся из Америки, с международного конгресса и был под впечатлением "чудес" соединенных Штатов. Особенно запомнился его рассказ о том, как на пари в металлической трубе был брошен в Ниагару и благополучно выброшен водопадом один из американских любителей сильных ощущений.

Наш дом над Вуоксой оживлялся этими посещениями. Все были молоды, каждый ждал для себя в будущем нового, важного, интересного: папа кончал постройку порта в Персии, в Энзели, его братья - Гриша был на блестящем пути научного изучения железных дорог, а Дима избрал преподавание в Политехникуме. До войны еще оставалось три года.

Но бывали недели, когда мы жили в полном уединении, и маме было тревожно и страшно по ночам в этом безлюдном месте над бурной рекой. Нервы не выдерживали, она стала страдать бессонницей. При ней всегда был браунинг, и как-то ночью, когда ей казалось, что кто-то идет к дому, она выстрелила в воздух. Как странно вспоминать теперь этот первый в нашей жизни выстрел. Наступила осень, и было решено в этом году не

возвращаться в Петербург, а остаться на зиму 1911-1912 г. в Финляндии, чтобы на чистом воздухе окрепло мамино здоровье.

Мы должны были заниматься дома с учительницей, которую пригласят на зиму, а затем весной - сдавать экзамены в Петербурге, в Гимназии Могилянской.

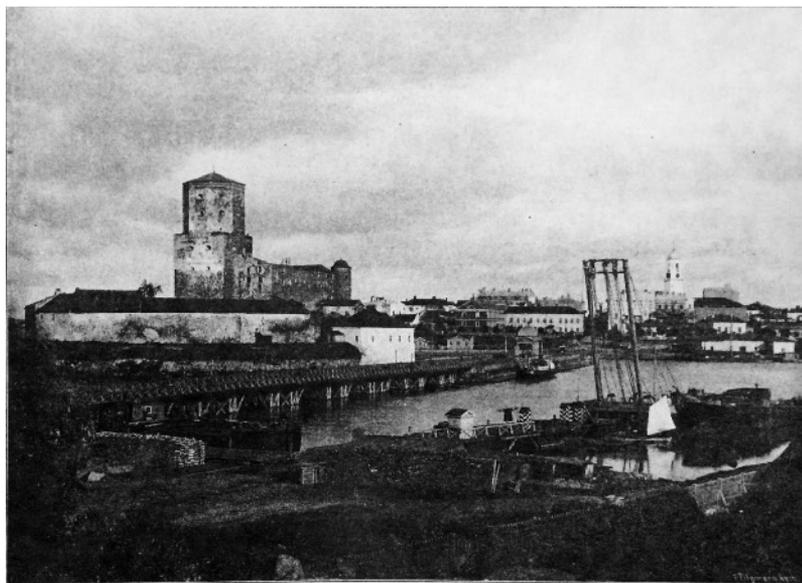
Нужно было найти дачу - теплый дом, вблизи от железной дороги на одной из станций, поближе к Выборгу.

ВЫБОРГ

Выборг, хотя и небольшой, но губернский город, расположенный в глубокой бухте Выборгского залива и устроенный по-европейски. Большой вокзал, роскошный бульвар со столетними липами и тополями, прекрасный ресторан с открытой эспланадой.

Главные улицы города располагаются в его южной части, они блещут чистотой и порядком, Витрины магазинов с зеркальными окнами и белыми маркизами имеют всегда праздничный вид. В этом финском городке не было и тени скуки или заброшенности. Наоборот, это была уютная и приветливая Прибалтика со своей жизнью и интересами, со своей историей.

Выборг основан в 1293 г. шведским наместником Торкелем Кнудсоном с целью упрочить шведское влияние в Карелии, которая издавна постоянно посещалась русскими. В 1351 г. Выборг был сожжен новгородцами, но через сто лет вновь отстроен и укреплен шведами, ввиду его важного военного и торгового значения.

Вулфен.

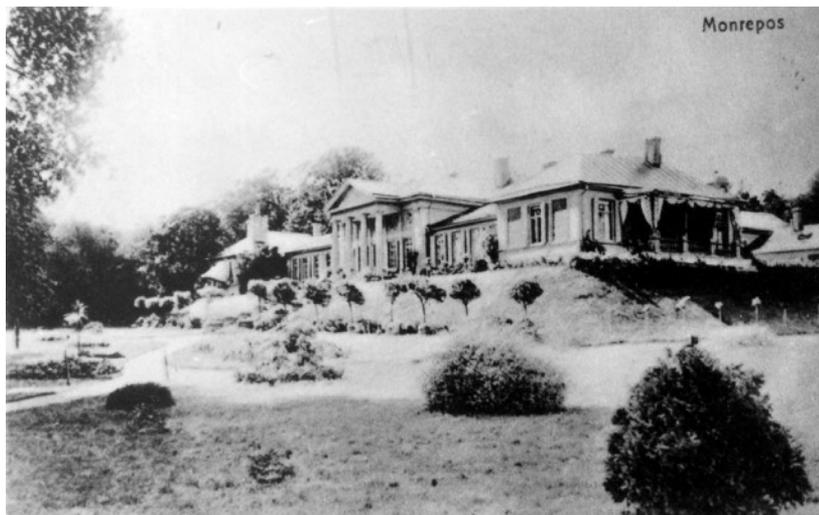
В 1477 г. город был обнесен стенами и защищен шведской крепостью с высокой восьмиугольной башней, сложенной из дикого камня. В небольшие узкие окна её обозревается вся округа: залив на юго-западе, синие дали лесов на северо-востоке.

Старый Выборг находится к северу от залива. Здесь на набережной у ратуши, построенной в 1318 г. стоял памятник Торкелю, теперь остался только его пьедестал.

В старинной части города сохранились узкие кривые улицы, средневековые дома с крутыми крышами, среди них есть дом "черноголовых" и здание средневекового монастыря. Есть и четырехгранная башня с часами, и толстыми стенами из дикого камня. В средние века была борьба между шведами и русскими за Выборг, но, несмотря на многократные попытки новгородцев завладеть этим городом, он оставался шведским. Только во время Северной войны в 1710 г. Выборг, наконец, сдался Петру и был в 1721 г, присоединен к России по Ништадскому миру.

В южной части города расположена торговая площадь со старинной круглой Екатерининской башней и новым каменным зданием рынка - здесь старина сочетается с нарядными домами текущего столетия.

Выборг всегда имел большое торговое значение, кроме финнов в нем жило много шведов, имевших такую большую роль в истории этого города.

В двух километрах к северу от Выборга на большом острове Выборгского залива, расположен парк "Monrepos", что по французски значит - "мой отдых", принадлежавший шведскому барону Николаи.

Парк составлял часть его большого поместья, подаренного Александром I, после присоединения Финляндии к России в 1809 г. Род Николаи был затем на службе у русского царя в течение многих лет.

Дом в Monrepos напоминает русские усадебные дома XVIII века. От его фасада с колоннами идет к заливу широкая липовая аллея, но залив, с его бухточками,

Monrepos

Conrad Oldenburg, Wiborg.

островками и скалами чисто северный, скандинавский, как и запущенные уголки парка. У самого берега залива в уединенной бухточке на фоне тёмных скал и зелени своей белизной ярко выделялась фигура Вейнемейнена – героя Калевалы. Он ударял по струнам кантеле, распевая свои руны и волосы его развевались по ветру. Теперь от статуи остался только железный стержень, который указывает на её бывшее местонахождение.

Не небольшом островке - гранитной скале - возвышается серая каменная башня в стиле средневековой архитектуры. Это отделенная узким проливом от парка, усыпальница баронов Николаи. На голубом фоне залива виднеется надгробие, высоко поставленное прямо над обрывом к воде. Печальная надпись повествует о том, что здесь похоронена жена одного из Николаи, урожденная княжна Грузии, угасшая во цвете лет в этом прибалтийском краю...

Вблизи Выборга проходит Сайменский канал, соединяющий озеро Сайму с Выборгским заливом.

В 1912 г. можно было проехать по Сайменскому каналу на парходике и встретить суда груженые лесом. Теперь этот канал заброшен, так как в шестидесятые годы нашего века выстроен новый - Сайменский канал. Старый канал строился в 1845-1855 гг, длина его около 60-ти км., он имел 28 каменных шлюзов и проходил по живописной местности, вблизи выходов на поверхность

гранитов. Вокруг канала строились дачи / теперь там запретная зона/, он был украшен мемориальными знаками. По берегам этого узкого сооружения можно было встретить то заботливо посаженную группу дубов, сходящихся кронами в один зеленый шатёр, то тщательно обтёсанные бруски гранита с надписями и датами о канале.

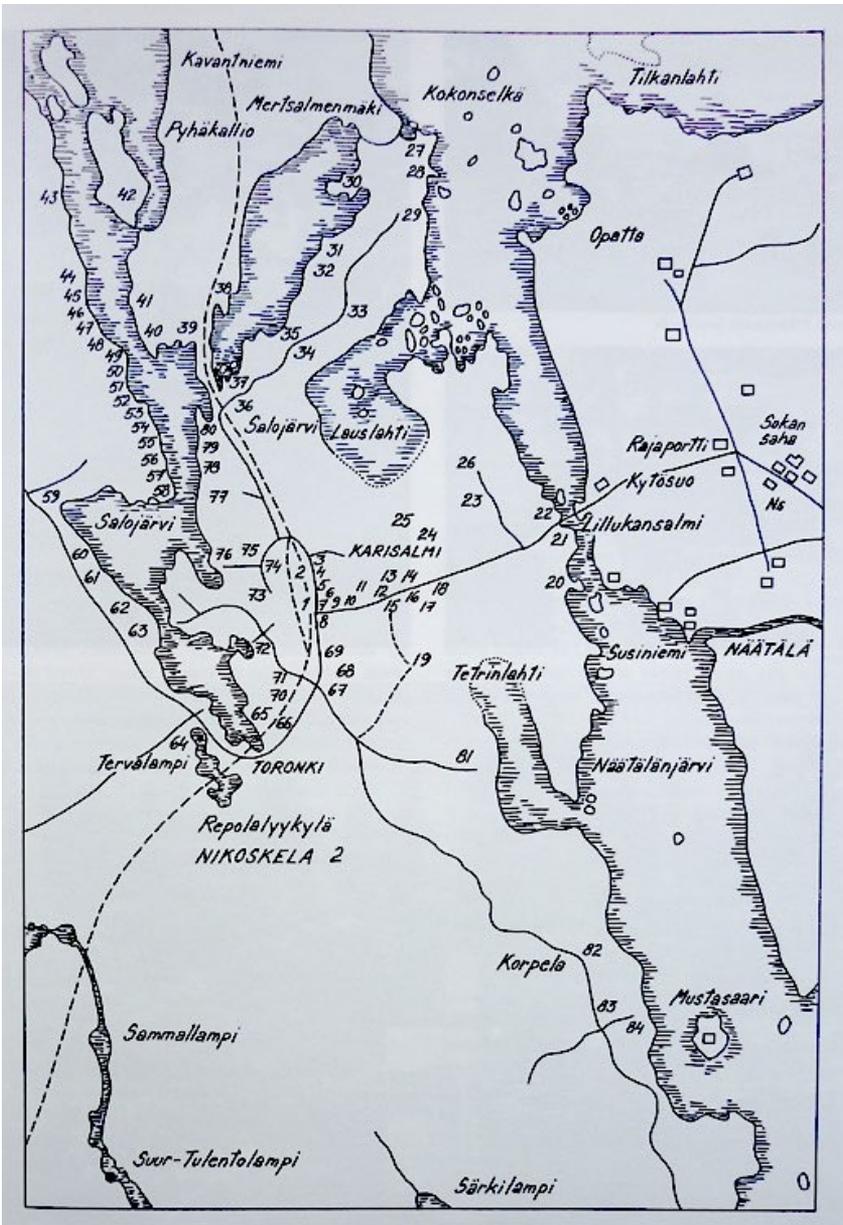

КАРИСАЛЬМИ

Выборг и его окрестности это начало настоящей Финляндии. Иматровская ветка Финляндской железной дороги уходила от Выборга на северо-восток вглубь Финского озерного плато.

Нам сняли дачу на зиму по той же линии железной дороги Выборг-Иматра, но значительно ближе к последнему, чем было Энсо. От Выборга следовали станции: Таммисоу, Керстиля, Тали и, наконец, наша - Карисальми, что означает Черные камни.

Дача стояла в большом поместье обрусевшего австрийского немца Мемерта. В огромном парке уголки сырого леса из березы и ели со мхом, голубикой и черникой сменялись сухими участками гранитной дресвы, где среди вереска и брусники возвышались стройные сосны. В парке стояла несколько дач, около них проходили дорожки, усыпанные песком, была крокетная площадка, цветники, плантации клубники и другие атрибуты дач того времени. Парк выходил на озеро с островками, поросшими густым лесом.

На высоте нескольких метров» прямо на голой скале над озером стояла беседочка, обвитая зеленью. Отсюда можно было любоваться озером. В часы заката вода его бывала зеркальна, и особенно отчетливо рисовался огромный камень на дальнем островке.

В парке на горе, среди сосен стоял большой двухэтажный деревянный дом, в котором жил хозяин. мы никогда, не были в нем, он казался таинственным и роскошным.

Мы приехали в Карисальми в конце сентября, когда осень уже сорвала листву, и ветер гулял в саду. В доме же было тепло и уютно. Мы, дети, помещались наверху. Стены и потолок наших двух комнат были обиты, по финскому обычаю, узкими лакированными досочками янтарно-желтого цвета. Стены покато переходили в потолок, на нём в досочках темнели сучки самых разнообразных очертаний, мы с Верой играли: нужно было найти на потолке задуманный корабль, дворец, причудливое дерево, животное или еще что-нибудь.

Прошла осень, и вот уже зима. все покрылось мягким чистым снегом. Озеро замерзло, по нему, по снежной дороге тянулись лошади с санями. Дорога вела куда-то за озеро в лес. Наши дни проходили однообразно, но не скучно, много новых впечатлений принесла эта зима.

Однажды мама пришла со станции, куда ходила каждый вечер за почтой и сказала, что у неё было новое знакомство. За почтой, как и она, приходил человек с седоватой бородкой, в меховой шапке и сером армяке, сегодня они разговорились. Оказалось, что он новгородец и уже второй год живет в Карисальми, близко от станции. Живет в усадьбе Бартольдсилле, что по фински значит - усадьба Бартольда, сторожит её, так как владельцы, его родственники, сейчас живут в Париже, они эмигранты. Одиночества он не боится. Иногда оно скрашивается приездом его друзей, большей частью тоже новгородцев. Он рад познакомиться с нами, новыми обитателями зимнего Карисальми.

Тегеевы: Вера, Надя, Леня, Соня. Фотография 1911 года

Александр Иванович Якшин стал нашим частым гостем. Это был простой, веселый и очень добрый человек. Он сразу нашел с нами общий язык и вскоре стал у нас своим человеком. Он весело и дружески болтал с нашими прислугами - Анной и Эмилией, рассказывал нам свои приключения в лесах Белозерского края, откуда он был родом, о своих странствованиях по югу России и наездах в Париж, в семью своей единственной сестры Анны Ивановны хозяйки Бартольдсилле. Своей простотой Александр Иванович был непохож на других наших знакомых и родственников, более тонких. Добродушие его было беспредельно, он навсегда остался нашим дорогим добрым другом.

Вскоре само собой стало известно, что Бартольдсилле своего рода пристанище для нелегальных новгородцев и других. За Выборгом ведь уже не было российской полиции, и надзор отсутствовал, можно было и без паспорта спокойно пожить в зимней тишине большого теплого дома.

Начались наши с фрейлейн приходы в гости к Александру Ивановичу и его друзьям. Вот идем мы по снежной расчищенной дорожке вдоль железнодорожного полотна. У калитки в усадьбу Бартольд огромный высокий, расщепленный надвое не то валун, не то обломок скалы - это великан-часовой.

Подходим к дому. Александр Иванович у дверей колет дрова и носит в жарко натопленную кухню. Она просторна, у стола стоит широкая красная плюшевая тахта, придающая уют. Над столом висячая керосиновая лампа под белым стеклянным абажуром с зеленой бисерной бахромой.

На стене барометр и еще какие-то интересные и красивые штучки. Второй этаж закрыт, чтобы не топить. Вся усадьба окутана пушистым снегом. Большой дом стоит на площадке высокого склона к озеру. Внизу у самого озера еще один дом, поменьше, но тоже в два этажа, с крутой лестницей, идущей прямо к озеру.

Несколько правее на каменистом мысу стоит баня, во втором этаже ее одна большая комната с балконом. Александр Иванович, после бани, бросается в озеро, и так не только летом, но и зимой, в прорубь. Малый дом и баня ярко окрашены, красно-зеленые. Они очень

живописны на зимнем фоне. Вся усадьба имеет романтический и даже несколько загадочный вид, когда из окна вагона неожиданно открывается озеро и постройки на его берегу.

Александр Иванович аккуратно читает газеты и знает все новости. От него мы узнали о гибели Титаника – огромного трансатлантического парохода, столкнувшегося ночью с айсбергом. Гибель Титаника потрясла тогда весь мир. Долго еще в газетах и журналах передавались трагические подробности этой катастрофы.

У Александра Ивановича мы впервые услышали о Джоконде Леонардо Да-Винчи и её похищении в те дни из Лувра. В XVII в. Наполеон увез её из Италии, теперь она была похищена, вероятно, каким-то итальянцем. Мировые шедевры часто имеют свою сложную судьбу, они одушевлены творческим гением автора и беспокоят человечество. Есть версия, что во время похищения в 1912 г. с Джоконды была сделана совершенная копия, и остается неизвестным, которая из двух Джоконд вернулась в Лувр.

Как-то зимним вечером, придя к Александру Ивановичу, мы застали у него за столом новых приезжих. Это была красивая молодая пара. Стройный высокий Поль, с безупречным пробором, в зелено-голубом мундире студента Петербургского

университета и Мари - миловидная брюнетка с бархатными глазами. Роман был тайный, так как Мари жила с матерью и не принадлежала к высшему обществу, в котором вращался Поль. Они "сбежали" на Рождество на Иматру, но, увидя в окно вагона романтическую усадьбу на берегу озера, сразу решили остановиться здесь и не ошиблись. Прием был радушный.

Был затоплен домик на озере, и здесь Поль и Мари провели несколько дней. Поль великолепно катался на коньках, выделявая на катке озера замысловатые петли голландским шагом, Мари беспомощно пищала на льду и Поль становился на колени, обувая её ножки. Они нежничали, не стесняясь в этом уголке, куда их неожиданно на несколько дней забросила рождественская елка. Потом они исчезли, так же быстро как появились. Стали ли они мужем и женой, или роман их оборвался - осталось неизвестным. Для доброго Александра Ивановича это был один из эпизодов его встреч и всегда теплых отношений с людьми.

В Бартольдсилле, в маленьком доме на озере, в комнате второго этажа было много книг - целая детская библиотека. Мама брала их для чтения нам вслух. Вечером, до сна мы садились на диван в большой комнате и слушали мамино чтение.

Что это были за книги? На всю жизнь они остались в памяти, создавая новый мир в воображении; герои их, как живые люди, вошли в нашу жизнь. Дядя Том и Ева Сент-Клер из "Хижины дяди Тома", "Маленький оборвыш" Де-Амичиса, "Принц и нищий" с прекрасными иллюстрациями, "С севера на юг" Каразина, который одновременно был писателем, художником и путешественником и описал перелет журавлей, наделив их человеческими характерами. Особенно интересна была книга французского писателя Русслэ - "В стране чудес", в которой описывалась Индия и приключения старика, заклинателя змей, Мали и детей французского колониста - Андрэ и Берты, спасавшихся от преследования магараджи, принца Дунду и многие другие книги.

Книги эти рисовали картины той или иной эпохи или страны, опережая и оживляя будущие уроки истории и географии.

Так проходила зима, и повеяло весной. Снег начал таять на солнце, по озеру уже нельзя было ходить, на нём появились большие тёмные пятна проступавшей воды. В лесу, на открытых местах под ёлочками стали появляться коричневые бархатные сморчки, потом красными шишечками зацвели елки. На Пасху мы ходили в драповых пальто, но к вечеру холодало, и на снегу резко синели тени.

*Где идет по полям чародейка весна,
Там луга зеленеют пушистые,
Где на землю бросает улыбки она,
Расцветают фиалки душистые.
А с лазурного неба приветным лучом
Нежно греет их солнышко ясное,
Оттого все поет и ликует кругом
В эти дни лучезарно-прекрасные.*

Это стихотворение мало известного поэта Анатолия Доброхотова из хрестоматии Тулупова и Шестакова выучил к весне брат Леня.

И вот, она уже в полном разгаре. Наступили майские белые ночи. Усадьба Бартольдсилле преобразилась, овеянная весной. Озеро синело, и на нем в солнечных лучах ярко выделялись зеленым и красным нижние постройки. Большой дом среди сосен в часы заката играл всеми оттенками коричневого цвета.

С каждым днем становилось все светлее и веселее. Особенно красива была соседняя каменоломня над озером. Многие годы в ней вырубались куски и целые глыбы камня, и она зияла розовым гранитом, неправильными ступенями спускаясь к озеру. В выемках

каменоломни был хаос из серых и розовых брусков гранита-рапакиви. По ним можно было прыгать, но легко было и свалиться. В свежем гранитном изломе камня мы любовались минералами: кварцем, ортоклазом, биотитом.

Из усадьбы Бартольдов на лодке можно было проехать, мимо острова Пирог - круглого, сплошь заросшего лесом, на наше озеро. Это занимало не больше десяти минут. Под ритмичными всплесками и ударами вёсел об уключины лодка быстро подвигалась вперед, заворачивая к Мемерту. Здесь в застое был мир водных белых лилий и желтых кувшинок с тонким болотным запахом, их стебли уходили вглубь к таинственному дну. За Мемертом дальше виднелась дача Селина, берег здесь представлял сплошную покатуя голую скалу - бараний лоб. Затем склон снижался и переходил в песчаную косу, поросшую лесом.

Здесь на озере стояла нарядная дача Хельстрёма. Дальше озеро раздваивалось. Направо, за железнодорожным мостиком начиналось большое озеро, оно соединялось узким и бурным протоком с Кавантсаарскими озерами. Прямо же шел длинный плоский гранитный мыс, с двумя тонкими сосенками, напоминавшими маяки - Мыс сосен. После него высились, уходя в озеро, крутые черные скалы с сосновым лесом на них. Это было вступление к Длинному озеру, которое тянулось на многие

километры между мягкими зелеными берегами. Здесь по берегам располагались селения. Когда на Длинном озере разыгрывался свежий ветер, то поднималась волна и гуляла на просторе.

Как-то в светлую майскую ночь Александр Иванович предложил поехать на лодке на Мыс сосен. Мы пристали к высоким черным скалам и по каменистой тропинке поднялись в лес.

Сосны не шелохнулись в тишине белой ночи. В этом таинственном лесу среди вереска цвели ночные красавицы с их неизъяснимым ароматом. Все казалось зачарованным - и озеро с неподвижной водой, в которой иногда лишь расходились большие круги - играла рыба, и скалы, и сосны, и бездонное жемчужное небо.

Приближались дни летнего солнцестояния, приближалась ночь Ивана Купалы; её особенно чтут в Прибалтике. В эту ночь финны жгут костры, прыгают через них, ищут в лесу красный цвет папоротника, который цветет только в эту короткую ночь и приносит счастье. В Иванову ночь в лесу особенно ярко светятся светлячки, это ночь языческих легенд и преданий, ночь таинственных сил природы.

На площадке над каменоломней юноши и девушки жгли костры и играли в разные игры. Их голоса разносились далеко над озером, как в далёкие дни языческих верований. На востоке за зубцами леса рождалось новое утро. Короткая Иванова ночь таяла, рассеивалась в утреннем воздухе.

Рис.Сергея Бартольда

Анна Ивановна Бартольд с детьми, 1909

БАРТОЛЬДЫ

Прошло лето 1912 года. Однажды поздней осенью Александр Иванович объявил нам, что получил письмо из Парижа с известием, что семейство Бартольд скоро приедет в Карисальми. Они решили совсем покинуть Францию и возвратиться в Россию.

Отец семейства, Федор Владимирович Бартольд, после нескольких лет эмиграции в Париже, почувствовал необходимость разрешить вопрос о будущем своём и своих детей. Он написал бумагу на "высочайшее имя", в которой просил разрешить вернуться в Россию, в противном случае он решил перейти во французское подданство, и, имея трех сыновей, этим лишил бы Россию трех солдат, трех штыков, так он и написал в той бумаге. Разрешение вернуться в Россию он получил, и осенью 1912 года вся семья приехала в свое поместье, в Карисальми. Навсегда останется неизвестным правильно ли поступил тогда Ф.В.Бартольд. Известно только, что в ближайшие десятилетия Европу, и в особенности Россию, ждали большие бедствия... Бартольды выехали в Россию северным путем и через Швецию прибыли в Финляндию поздней осенью 1912 года.

В один темный осенний вечер Анна Ивановна с дочерью Лидочкой и средним сыном Женей пришли к нам познакомиться. Мы сидели в большой столовой, Анна Ивановна не сняла шляпу, считая, что визит будет коротким. Мы были застенчивы, они тоже. Первое знакомство шло довольно туго. Говорили больше матери. Скоро гости ушли, оставив у нас ожидание продолжения знакомства.

Анна Ивановна Бартольд, 1912 год

Оно последовало в ближайшие дни, когда мы с фрейлейн посетили Бартольдов и прошлись вместе по первому снегу. Старшие мальчики, Сережа и Женя, чувствовали себя взрослее нас и разговаривали больше с нашей фрейлейн, чем с нами; с Лидой мы сблизились сразу. Дружба - жданная птица, порхала вокруг нас.

Бартольды постепенно привыкали к своей новой жизни, частью перенося в нее французские традиции, и знакомясь с новыми условиями здесь, в Финляндии. Все было ново, главное - это уединенная жизнь в своем доме, почти без окружающих людей.

Отец - папочка, продумал и руководил новым образом жизни, мать, заботливая и хозяйственная, мамочка, быстро наладила с помощью двух служанок, молодой красивой финки Майи и пожилой немки Эмилии, их новый быт. В кухне целый день топилась плита и на ней - горячая вкусная еда. Дрова колот и носил работник Николай; за ним по пятам следовал его черный гладкошерстный пес Треф. Дядя Саша /Александр Иванович/ помогал во всем и брал на себя самую тяжелую работу. Он таскал, рубил, пилил, устраивал новые удобства в доме и на дворе. Для него не было ничего невозможного. И было вполне понятно, что дети сразу сблизились с ним, и хотя порой иронизировали, но с интересом следили за его хозяйственными мероприятиями.

А он устраивал мастерскую наверху у сарая, укреплял баню внизу, ворочал ломом камни на озере, чтобы освободить площадку для огорода и т.д.

Отец был озабочен учением детей и установил строгий порядок дня. После утреннего кофе, мальчики, Сережа 14-ти лет и Женя 13-ти лет, шли в кабинет, где отец в течение 3-4-х часов занимался с ними по всем предметам. Затем шел черёд Лиды. Младший, Володя, похожий на румяное яблоко, еще не учился.

Федор Владимирович Бартольд был в свое время питомцем С-Петербургского университета, но не окончил его, так как участвуя в студенческих беспорядках, был исключен из университета и на несколько лет административно выслан в Новгород.

Будучи студентом историком он имел и педагогический опыт - давал уроки для заработка. Поэтому, когда было решено жить в Карисальми и не отдавать детей в школу, он взял на себя ученье их по программе реального училища с тем, чтобы весной они сдавали экзамены в Петербурге в прогрессивной гимназии Гуревича. Через два года, однако, отец стал зимой жить с сыновьями в Выборге, где они поступили в казенное русское реальное училище. Старший, Сергей, успел его окончить весной 1917 года.

Сергей и Евгений Бартольд, 1912 год

Федор Владимирович Бартольд с сыновьями Сергеем и Евгением, 1914 год

Старшие мальчики, чернявый долговязый Сергей и румяный блондин Евгений, составляли дуэт, стремительно утвердивший в Карисальми свои новые вкусы, занятия, увлечения: зимой лыжи, хоккей на льду, летом - охоту, рыбную ловлю, далекие походы и поездки на лодке по окрестным озерам.

Получив в свое распоряжение ружья, они стреляли белок и уток в лесу напротив дачи и на соседнем заросшем Утином озере. После уроков день их был насыщен всякими интересными занятиями, в которых сначала ими руководил дядя Саша, а затем они стали вполне самостоятельны.

Рис. Сергея Бартольда, 1915 год

Лида же в свои 9-10 лет была худенькой девочкой с косичкой тонких волос неопределенного цвета, с желтовато-зелеными глазами и доброй, устремленной в свои размышления, улыбкой. Она ходила, как мальчишка, в штанах. Старшие братья подсмеивались над ней и не принимали её в свои занятия и промыслы.

Хотя, при любви к искусству, Сережа вырезал из дерева и разрисовал нам великолепную трубку мира, а Женя нарисовал обложку к лидиным стихам.

Дружба Лиды с нами являлась неисчерпаемым источником откровенности, душевных излияний, обмена мыслями. Мы играли в индейцев, так как читали "Песнь о Гайавате" Лонгфелло в прекрасном переводе Бунина, с иллюстрациями роскошного издания.

Наслышавшись в семье о революции и революционерах, Лида перенесла на индейцев мысли и чувства о порабощении и освобождении, и решила посвятить свою жизнь освобождению индейцев. Её идеалом была жизнь вдали от цивилизации, среди лесов, озер и камней, похожих на сине-зелено-серебристый ландшафт Фенно-Скандии и Канадского щита. Она любила бродить в каменоломне над озером, прыгать с камня на камень, рискуя упасть, и мечтать....

Федор Владимирович Бартольд с дочерью Лидой, 1912

Она писала стихи. Ей, как своей любимице, отец уже тогда читал свои стихи и передал волшебную палочку музыки. Свой поэтический дар она пронесла через всю жизнь, несмотря ни на что.

С отроческих лет Лида была занята наблюдениями и догадками об окружающем мире, близком и далёком и без устали готова была проникать в него своим пытливым умом и воображением.

Лида любила животных, но в усадьбе Бартольдов почему-то не было ни одного животного, кроме кошки Люлюк, черной с желтыми глазами, которую дядя Саша подарил своей любимице Лидушке. Он же сделал ей отдельную комнату под склоном крыши верхнего этажа, рядом с родительской спальней. В этой комнатке вместо потолка была наклонная плоскость крыши, помещалась в ней кровать, стол и стул, на стене красовалось перо сокола или ястреба и лидина зеленая суконная шляпа с кокардой, а на столе лежал дневник в зеленом плюшевом переплете: эту тетрадь для ежедневных записей подарил ей отец.

К столу сзывал всех мягкий звук гонга, разносившийся далеко за усадьбу. И каждый спешил к дому: мальчики сильнее нажимали на весла своей красно-зеленой лодочки, Лида бросала книгу или бежала с каменоломни, Александр Иванович ставил лом и обтирал вспотевшее лицо. Так проходили дни...

Федор Владимирович Бартольд (1873-1930)

Федор Владимирович Бартольд был русский немец, считавший себя революционером: по старинке он причислял себя к кругу социалист-революционеров, однако уже утратил когда-то, может быть действенные связи с революционерами. Ему была свойственна некоторая, оставшаяся от студенческих лет, сентиментальность /он писал стихи/ и вместе с тем

либерализм, но натура его была, в общем, бездеятельная.

Федор Владимирович Бартольд считал своих предков выходцами из Германии, причастными к Ганзе.

Ганзейский союз был заключен в средние века между приморскими городами северной Германии: Любеком, Гамбургом, Бременом и другими с целью упрочить связи между их купцами и облегчить им торговые отношения за границей, главным образом с Восточной Прибалтикой и, в том числе, с Новгородом, где Ганза имела свои торговые конторы. Во время расцвета Ганзы, в XIV-XV веках, в нее входили и такие города Прибалтики как Рига, Ревель, Дерпт, центром же этого союза был Любек.

Производственными районами для ганзейских купцов являлись Восточная Прибалтика, Швеция и Дания. В конце XV века Ганза распалась, уступив первенство в торговле Голландии, Англии и Франции.

Германия, а затем Прибалтика, вероятно, были прародиной семьи Бартольд и поэтому неудивительно, что Финляндия стала чем-то близка и отцу семейства, и его детям. К тому же в университете Федор Владимирович писал работу о ганзейском союзе.

Василий Владимирович Бартольд (1869-1930)

У Федора Владимировича было два брата. Характер и судьба их были очень различны. В этом отношении отец Лиды занимал, может быть, промежуточное положение между братьями, к тому же он по возрасту был средним.

Старший брат - Василий Владимирович, дядя Виля, целиком посвятил себя науке- тюркологии и стал знаменитым академиком, гордостью русского востоковедения. Василия Владимировича Бартольда в среде студентов называли "Будда", и, действительно, в его большом черепе удлинненной формы и в лице с желтоватой кожей, обрамленном черной редкой бородкой было что-то азиатское. Он мало говорил и заикался. Его жена, тетя Маня, происходившая из семьи

известного ученого всецело посвятила себя уходу и заботам о своем муже. Они жили вдвоем в казенной академической квартире на Васильевском острове тихой однообразной жизнью. Иногда только Василий Владимирович выезжал ненадолго в те страны и области, прошлое которых он изучал.

Своим проникновением в историю и язык тюрков и силой творческого воображения Василий Владимирович Бартольд знал, как родные, пустыни и оазисы Туркестана и мог указать и указывал еще до раскопок местонахождения древних, занесенных песком городов, например, Нисы - столицы одного из древнейших тюркских государств у подножья Копет-Дага. Раскопки подтвердили его указание.

На основании языковых данных академик Бартольд первый указал, что почти сухое русло Узбой в сердце Каракумов - это, прежде полноводное, русло Амударьи, когда-то впадавшей в Каспий. Затем это было доказано географически и геологически.

В тридцатых годах могучие востоковеды стали умирать один за другим. Но их наука еще успела остаться вне политики и поэтому созвездие их не померкнет.

Младший брат Федора Владимировича - Борис был человеком совсем другого склада. Он любил приключения, попал в революционные круги и был увлечен ими. Не желая или, может быть не имея сил

покинуть их, он скрылся из поля зрения своих братьев. Сохранилось несколько его фотографий, и только...

Семья не знала и не узнала его судьбы. Он окончил свои бурные дни где-то на Урале в 1919 году.

Борис Владимирович Бартольд, Екатерина Павловна Пешкова, Вера Николаевна Кольберг, Капри 1913 г

Будучи в ссылке в Новгороде, Федор Владимирович Бартольд женился на девушке из Белозерска - Анне Якшиной. Она вырвалась из семьи белозерских мещан вслед за своим старшим братом Александром и вошла в круг новгородцев, находившихся под влиянием идей

Анна Ивановна Бартольд/Якшина (1874-1942)

освобождения и просвещения народа. Она участвовала в подпольной работе, которая была для неё, простой белозерской девушки, ярким светочем.

Анна Ивановна Якшина еще в юности решительно порвала с Белозерском. В семейной жизни с Федором Владимировичем Бартольдом она сохранила свою деятельную натуру, направив силы на устройство семейной жизни при их скудных средствах, почти

бедности. В Новгороде у них появились на свет сыновья : Сергей и Евгений. Вскоре они переехали из Новгорода в Ярославль, где Федор Владимирович служил в редакции газеты. В Ярославле, в мае 1904 года родилась Лида. Несмотря на трудные условия, Федор Владимирович продолжал, как и в юности, писать стихи и не выходил из круга либеральной, почти революционной, интеллигенции. Неожиданно он получил наследство от умершего в Петербурге, на Васильевском Острове, дяди - банкира Лампе.

Это совершенно изменило дальнейшую жизнь Федора Владимировича и его семьи. Получив наследство, он купил поместье в Карисальми, вероятно, с целью сделать его приютом для друзей революционеров.

Финны, хозяева дома, уходя из него, оставили накрытый стол с едой: «войдите и отведайте!» - таков финский обычай. И Бартольды вошли в свой новый дом, но прожили в Карисальми недолго. Вскоре они уехали за границу и стали эмигрантами.

Жили они в Париже, общались только с русскими, многие из их друзей находили приют в семье Бартольд. Федор Владимирович был в курсе эмигрантских дел, но участия в них, кажется, не принимал, хотя свои политические убеждения считал по-прежнему незыблемыми.

Вернувшись в Россию, семья Бартольд жила пять лет до революции в Карисальми безбедной тихой жизнью, в которой не было почти никаких событий. Они полюбили финнов и их страну. Ведь у них были какие-то глубокие древние, прибалтийские связи с этой северной страной, с этими северными людьми...

А дети? Они страстно, всем существом своим полюбили природу и жизнь Финляндии. В том, что они запомнили о Франции и с чем они познакомились в Финляндии было что-то общее, европейское, от России же и всего русского они оказались далеки, очень далеки.

Осенью 1913 г. кончилась наша жизнь в Финляндии, и мы вернулись в Петербург. Следующее лето мы провели в Крыму. Там застало нас начало войны. Мы возвращались из Крыма в августе 1914 г.

Переполненные поезда часто шли мимо станций, почти не останавливаясь. Люди втискивались в вагоны на ходу и лезли через окна. Это были первые приметы грядущих событий. Была объявлена всеобщая мобилизация. Шли эшелоны на запад. Мирная жизнь подходила к концу. Но у многих и, в том числе, у нас и у семьи Бартольд, в запасе еще было больше двух лет: у нас до осени 1916 г., когда умер папа, у них - до осени 1917 г., когда Финляндия отделилась от России.

Летом 1915 г. мама сняла дачу снова в Финляндии, на этот раз на станции Кавантсаари, соседней с

Карисальми. Дача была в поместье шведки - полковницы Тесслев. Она стояла на пригорке, окруженная соснами, с цветником перед домом, большим огородом с яблонями и кустами смородины, тут же была крокетная площадка. Соседей не было, но в нескольких километрах, в лесу находился пансион "Сильвана", знакомый петербуржцам.

Во время далеких прогулок, мы собирали ягоды и грибы, слушая шум сосен, ступая по их сухим шелковистым иглам. Там были и болотистые леса с подушками мха и кукушкиными слезками.

У Бартольдов лето 1915 г. было многолюдным и шумным. Гостили старые друзья. Мальчики Фейты - Коля и Андрюша, с матерью Анной Николаевной - друзья по Парижу; Екатерина Павловна Пешкова с сыном Максимом и его другом, студентом Костей Блекловым. По воскресеньям к ним приезжал Алексей Максимович Горький. На озере маячила его высокая фигура, он удил рыбу.

На площадке вблизи озера стояли столбы с трапецией, кольцами, канатом и другими снарядами. Здесь же играли в крокет, У забора стояли финские качели: на деревянной площадке два деревянных кресла визави, соединенные вверху на шарнирах с качельной рамой. Длинный стол покрытый скатертью, стоявший поперек площадки, придавал уют этому уголку.

Лида Бартольд, Николай и Андрей Фейты, лето 1915 г.

Усадьба Бартольда, лето 1915 года

Крыльцо центрального дома, на крыльце дети Бартольд - Сергей, Евгений, Лида, Володя; братья Фейты - Николай и Андрей; сестры Тагеевы - Вера и Надя.

Здесь на чистом воздухе пили чай, обедали все вместе, вели беседы.

Мы были несколько раз в гостях у Бартольдов. Играли, как и прежде, все вместе "в оленей", скрываясь от преследований "охотников" в чаще елок и на каменоломне, спотыкаясь о корни сосен и хватая смолу их стволов. Дома наша прислуга, белоруска Анюта, Анетта, как мы её называли, встречала нас словами: "Барышни - нявесты, а все в смолу укочались!" Было весело, но уже не то, что в Карисальми летом 1913 г. Лида приезжала к нам в Кавантсаари. Однажды мы с ней пошли в лес, присели на мшистых кочках среди мелких берез и елок. Лида говорила об индейцах и со слезами на глазах, в каком-то экстазе клялась посвятить свою жизнь их освобождению. Она сжимала кулаки и непреклонно устремляла взгляд то на мшистый ковер у своих ног, то в неведомую даль... Осенью мы расстались.

В 1918 г., когда Финляндия отделилась от России и по улицам Выборга маршировали маннергеймовцы, перед Федором Владимировичем Бартольдом снова встал вопрос: куда? Можно было уехать в Швецию, можно было остаться в России, но, так или иначе, Карисальми нужно было покинуть, с ним нужно было разлучиться. Он решил остаться в России, и для семьи Бартольд началась новая трудная жизнь...

Встретились мы с Лидой только в двадцатых годах в Петрограде, а с мальчиками еще позже - в тридцатых. Наши встречи были кратки, ведь Лида жила в Москве. О Карисальми вспоминали мало, но оно неизменно стояло в нашей и их памяти. Теперь уже никого из них нет в живых... Отец умер в тридцатом году в Карелии в Петрозаводске, где он работал в торгпредстве, мать умерла в сорок втором в Ленинграде во время блокады. Её брат, Александр Иванович, скончался раньше, в двадцатых годах, в Москве, где он жил несколько лет в Доме ветеранов революции. Умер он во время операции желудка.

Судьба сыновей осталась темной: никто из близких не присутствовал при их кончине. Все трое, как и миллионы других невинных, погибли в разное время в лагерях Советского Союза.

Первым умер Женя, в Архангельской области еще до войны от воспаления легких и истощения. В последних письмах к Лиде он просил прислать карандаши и краски - думал, что может быть, уцелеет с помощью своего рисования, которое он считал своей профессией.

Сережа несколько раз был арестован в тридцатых годах. Арест его в Хибинах на научной станции Академии Наук в новогоднюю ночь 31 декабря 1932 года случайно совпал с моим пребыванием там. Эта станция на оз. Малый Вудъявр под Хибиногорском

через несколько лет сгорела до тла, а тогда, мы встретились с Сережей на ней в полярную ночь, как гости станции.

Только что мы, встретив Новый 1933 г., разошлись по своим комнатам, как раздался стук подъехавших лошадей, громкие шаги по лестнице, недолгий разговор, приехавшие люди из ГПУ увезли с собой Сергея Федоровича. На этот раз его вскоре выпустили, но он был снова и окончательно арестован во время войны. С тех пор о нем никто больше ничего не знал.

Судьба младшего брата, Володи, осталась неизвестной. Лида намного пережила своих братьев, выйдя замуж в 1920 г. за Николая Ивановича Пляшкевича из Суздаля, с которым она познакомилась в Богородске под Москвой, где работала в библиотеке. Вскоре она обзавелась прочной семьей. Она умерла 14 февраля 1974 г. от сердечной недостаточности, не дожив трех месяцев до 70-летия.

Семья Бартольд не нашла своего настоящего места в новой жизни России. А ведь все они были умны, интеллигентны, способны, талантливы! Судьба человека во многом определяется уже с детства. У Бартольдов детство прошло вне России. Для всех детей этой семьи Карисальми на всю жизнь осталось страной обетованной, которую они потеряли.

Володя женился на финке и этим иллюзорно сохраняя связь с Финляндией. Сережа и Женя искали подобия этой страны в лесах, озерах и скалах русской Лапландии, Кольского полуострова, в Хибинах. Сережа занимался там охотой и охотоведением. Женя, наиболее целеустремленный из братьев, рисовал природу Кольского полуострова и был инструктором по туризму на базе в Имандре. Его книжка о Хибинах имеется в Библиотеке им. В.И.Ленина, в Москве. Страстным желанием Жени было стать настоящим художником. И он сделал успешные шаги в этом. Лента его акварельных зарисовок /диарама/ Хибин была приобретена Географическим музеем в Ленинграде, как прекрасный экспонат, характеризующий природу русской Лапландии. Женин талант понял и оценил директор этого музея профессор Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский, знаток Финляндии и северных областей Европейской России, сам художник.

Братья Бартольды, прожив более 20-ти лет в Советской России не смогли забыть Карисальми. А Лида, для неё жизнь в Карисальми осталась незабываемым пределом. Она никогда не ступила бы больше на землю Карисальми, чтобы не нарушить воспоминаний о самом счастливом времени своей жизни, "когда для нас еще на этом свете был мирным мир и добрым человек" ...как писала она в своем стихотворении в пятидесятых годах, когда уже давно осталась одна из всей семьи Бартольд.

рисовал природу Кольского полуострова и был инструктором по туризму на базе в Имандре. Его книжка о Хибинах имеется в Библиотеке им. В.И.Ленина, в Москве. Страстным желанием Жени было стать настоящим художником. И он сделал успешные шаги в этом. Лента его акварельных зарисовок /диарамма/ Хибин была приобретена Географическим музеем в Ленинграде, как прекрасный экспонат, характеризующий природу русской Лапландии. Женин талант понял и оценил директор этого музея профессор Вениамин Петрович Семенов-Тянь-Шанский. знакток Финляндии и северных областей Европейской России, сам художник.

Братья Бартольды, прожив более 20-ти лет в Советской России не могли забыть Карисальми. А Лида, для нее жизнь в Карисальми осталась незыблемым пределом. Она никогда не ступила бы больше на землю Карисальми, чтобы не нарушить воспоминаний о самом счастливом времени своей жизни, "когда для нас еще на этом свете был мирным мир и добрым человек"...как писала она в своем стихотворении в пятидесятых годах, когда уже давно осталась одна из всей семьи Бартольд.

И. Тагеева

Н. Тагеева.

Москва.

Сентябрь-Октябрь 1975 г.

Иллюстрации из книги "Финляндия в XIX в." и из коллекции открыток В.В.Семенова-Тянь-Шанского.

/Ленинград/.

Н.Тегеева.

Москва. Сентябрь-Октябрь 1975 г.